

≈ 7 мин

Со времени изобретения фотографии вошло в обиход выражение: «это не простое фотографирование, а творческое претворение». Этим хотят сказать, что тот или иной писатель или художник не просто «отображает» реальный факт, а по-своему его переиначивает.

Считается, и вполне справедливо, что простой пересказ реального факта никому и ни для чего не нужен. Всякое пересказывание факта должно быть оправдано целью этого пересказа.

Кроме того, немислимо просто пересказать факт или описать событие. Можно передать факт или описать событие только в определённом отношении.

Во всяком пересказе, во всяком описании всегда будет ясно, кто и с какой целью этот факт передаёт или это событие описывает.

Выражение «простое фотографирование» имеет в виду механичность фотографического аппарата, который-де слепо фотографирует всё, что ему попадает под объектив.

Человек не должен-де уподобляться этому механическому аппарату, а должен сознательно, с определённой целью, с определённой установкой выбирать и пересказывать факты и события.

Всё это бесспорно. Бесспорно, что человек не может не пересказывать факты со своей особой точки зрения. Бесспорно, что человек не должен быть механическим передатчиком фактов и событий. Но совершенно неверно делать

отсюда вывод, что человек должен по-своему переиначивать факты и события.

Буржуазно-интеллигентская теория творчества, «марксистски обработанная» Воронским и Полонским, говорит о том, что основной задачей творчества является передача фактов и событий, «преломлённых сквозь призму души художника». Другими словами, необходимая при передаче фактов и событий тенденция и установка отыскивается в индивидуальных качествах и воззрениях данного художника.

Предполагается, что данная художественная индивидуальность настолько ценна сама по себе, что никакие внешние задания не могут и не должны принуждать её брать факты и события с какой-либо иной точки зрения.

Предполагается, что человек, пишущий так называемые художественные произведения (стихи, повести, драмы), избавлен от необходимости брать факты и события с какой-то общей другим людям точки зрения.

Конечно, и Воронский и Полонский (в этом и заключается «марксистская обработка» буржуазной теории) знают, что данная индивидуальность со своими особенностями и точками зрения как-то связана с определённым классом или классовой группировкой. Но и Воронский, и Полонский считают немислимым посягнуть на данную художественную индивидуальность, лишить её своего «своеобразия», втянуть её в общекультурную работу другого класса, другой классовой группировки.

Воронские и Полонские необычайно уважают эту сумму индивидуальных особенностей и «своеобразий», полагая, что если разрушить эту сумму, то

погибнет некий художественный центр.

Прятели Есенина не решались лечить его от запоя, потому что боялись, что он выздоровеет и перестанет писать стихи.

Благодаря совершенно ложному представлению о характере художественного творчества, благодаря непомерной переоценке значения так называемой творческой индивидуальности, Воронские и Полонские задержали естественный переход старых литературных мастеров на выполнение новых культурных задач. Если бы Воронский и Полонский меньше ухаживали бы за творческими индивидуальностями, поменьше бы восторгались художественными красотами писателей, побольше бы указывали им на необходимость перейти к другим формам литературной работы, — наша советская литература имела бы гораздо больше интересных и нужных литературных произведений.

Но вредное влияние Воронских и Полонских не ограничивается торможением естественного перехода старых литературных работников на новые задания. Это влияние вредно действует и на новые, молодые литературные силы.

Начитавшись Воронских и Полонских, каждый молодой начинающий писатель прежде всего стремится стать «творческой индивидуальностью». Он понимает, что, получив этот почётный титул, он тем самым приобретает право писать о чём угодно и как угодно, не считаясь ни с какими «сторонними» заданиями.

Молодой писатель знает, что, работая в газете или в журнале, ему не удастся во всю ширь развернуть свою творческую индивидуальность, ему придётся бегать и писать по заданиям редакции, писать о том, что нужно и важно сегодня, что

нужно и важно читателю, что нужно и важно для всего нашего культурного строительства.

Он знает также, что, сколько бы интересных фактов он ни собрал, сколько бы талантливых очерков ни написал, ни один Воронский и Полонский не напишут о нем ни одной статьи, не возвестят миру о появлении новой творческой индивидуальности, а вместе с этим и не дадут ему мандата на «свободное» проявление своих творческих задатков.

И тот же молодой писатель прекрасно знает, что достаточно ему написать десятка полтора скверненьких стишков или парочку средненьких рассказиков — и сразу же о нём заговорят как о новой творческой личности.

Неважно, будут ли его ругать или хвалить. Важно, что статьи о нём начнутся со слов: «Творческий путь молодого писателя такого-то отмечен» и т. д. — дальше пойдут неизменные лестные или нелестные сравнения этого нового молодого писателя с Толстым и Достоевским, с указанием, в чём он с ними совпадает и в чём расходится.

Мандат на творческую личность получен. Можно расплеваться с редакциями, можно на законном основании перейти из «Дома печати» в «Дом Герцена», брать авансы и, сидя у себя в конуре, высасывать из пальца «свободные» рифмы и «обобщающие» образы.

А ещё через некоторое время можно, сидя в пивной, жаловаться на строгости цензуры и писать письма Горькому о том, что в Советской России настоящему писателю трудно развернуться.

Мы, лефовцы, совместно с руководителями ВАППа боролись против этой индивидуалистической заразы. Мы всеми средствами убеждения доказывали руководящим органам и писательскому молодняку, что путь Воронских и Полонских гибелен для советской литературы. И, кажется, мы многого на этом пути достигли.

Однако сейчас мы, лефовцы, с недоумением замечаем, что вожди ВАППа начинают постепенно, пока с оговорочками, повторять слова Воронских и Полонских. Доказательством тому служат их выступления на последней ВАППовской конференции, вышедшие отдельной книжкой под названием “Творческие пути пролетарской литературы”.

Мы, лефовцы, продолжаем настаивать на наших прежних тезисах. Мы продолжаем нашу борьбу против индивидуалистической художественной литературы за литературу деловую, газетно-журнальную. Мы считаем, что переход вождей ВАППа на позицию Воронских и Полонских грозит повернуть пролетарскую писательскую молодёжь на ложный и гибельный путь.

Поэтому мы берём под особый обстрел эти новые ВАППовские веяния, разоблачая их буржуазность, их индивидуалистичность, их повторение ошибок Воронских и Полонских.

Первая публикация: Новый Леф. 1928. No 2. С.12-14.

Источник текста: Литература факта: Первый сборник материалов работников ЛЕФа / Под ред. Н. Ф. Чужака [Переиздание 1929 года]. М.: Захаров, 2000. 285 с.

Нашли ошибку? Выделите фрагмент текста и нажмите Ctrl+Enter.